

Записки обитателя одесского истфака

"Мамы разные нужны,
Мамы всякие важны..."

С. Михалков

1

Всякий поживший человек имеет воспоминания, но далеко не всякий имеет право занимать внимание не знакомых ему лично жителей планеты своей "историей". Почему люди пишут мемуары? Потому что волею судеб они стали свидетелями исторических событий, имеют прямое отношение к историческим решениям и контактировали с людьми исторического масштаба. Общественный интерес ко всем трем составляющим Истории побуждает взяться за перо. Это — один, наиболее распространенный, мотив мемуаристов. К нему я не имею никакого отношения.

Когда читаешь воспоминания таких великих политиков, как Отто фон Бисмарк и Уинстон Черчилль, то понимаешь, что свои мемуары они превратили в орудие политической борьбы. В них они решали задачу апологетики своей политики. Это также не мой случай.

Есть еще мотив пользы. Это многосложный мотив. Для кого и для чего я берусь восстанавливать факты прошлого, окрашенные личным участием и субъективным восприятием? Во-первых, для себя любимого. Наступает возраст, когда уже начинает вырабатываться отношение к собственной жизни как к некому целому: увидеть смысл в том, что *было*, свершилось, связалось, и продолжает свое *бытие* в феноменологии текущих событий, — пожалуй, это важная задача для самопознания личности.

Во-вторых, я пишу для нынешних поколений студентов. То поколение, к которому я принадлежу, училось на историческом факультете до "нашей эры"; мы — родом из СССР, страны, которую сегодня одни идеализируют, другие обливают грязью, третьи хотят поскорее забыть. Существует миф о том, как победители Трои пожалели жителей побежденного великого города и разрешили им уйти, взяв по своему выбору что-то из вещей по минимуму. Один из самых славных защитников Трои Эней не взял ничего, кроме изображений своих богов. Восхищенные его благочестием элины разрешили ему взять что-нибудь еще. Тогда Эней вынес

на своих плечах своего немощного отца. Если человек чувствует в себе живую связь с поколениями дедов и отцов (а это — советские поколения), то он ощущает свой долг нести бремя своей реальной, а не мифической истории. Я отношу себя к таким людям.

Как историкам нам повезло: нас угораздило жить на сломе эпох. Вулканонологи меня поймут. Первую часть своей жизни мы прожили в советскую эпоху, причем в лучший ее период, а вторую половину проводим в мире с другой системой ценностей, причем в период его тяжелого становления. И вот тут наше общество подстерегает угроза, суть которой выражена в шекспировских словах: "Распалась связь времен". Поэт Леонид Васкинен развил эту тему в стихотворении, где есть такие строчки:

На кладбище растоптанных традиций
Свое осуществляем бытиё.

.....

Отец давно понять не может сына,
А внуку чужда деда простота,
Века, касаясь, протекают мимо,
Без встречи расставаясь навсегда.

Речь идет о том, что в результате катаклизма глобального масштаба, каковым стал распад СССР, в нашей исторической памяти образовались провалы, которые сегодня пытаются заполнить мифами, выдаваемыми за "правду истории". Моя скромная задача состоит в том, чтобы противопоставить этому заказному мифотворчеству правдивый рассказ о тех временах и событиях, свидетелем и рядовым участником которых я был.

Память — ненадежная штука. Если периодически не повторять свои "истории", они выветриваются, расплываются, утрачивая существенные детали, а если повторять, то превращаются в легенды. В них рассказчик становится весомым персонажем. Расставляя своих "героев" в удобные для него мизансцены, он в конце еще и присваивает право на мораль. Отдавая себе в этом полный отчет, автор этого мемуара хочет честно передать ощущения и впечатления того молодого, не уверенного в себе человека, каким он был в свои студенческие годы. С другой стороны, опыт преподавания в университете у него в настоящий момент будет поболее того, который был в период его ученичества у большинства его преподавателей, что позволяет ему а posteriori судить о них в профессиональном плане. Поэтому воспоминания дополнены размышлениями. Итак, представляю читателю свои записки на тему: мои главные уроки на истфаке.

В Одессе ветреной в эпоху Брежнева живя,
Учились на истфаке мы, над книгами корпя.
Мешая молодость свою с вином и пивом,
Молились Клио мы одесского разлива.
Стремителен бег жизни, а мы не боги.
Настало время подводить итоги.
Не нужно выводить себя за скобки,
Мы сами — артефакты той эпохи,
Проводим в душах у себя раскопки.

2

Я учился на историческом факультете Одесского государственного университета имени Ильи Ильича Мечникова в 1973-1978 гг. То есть я отношусь к поколению "семидесятников". Боже, как же мы тогда были счастливы! Нас спасало только то, что мы об этом не подозревали. Впрочем, повод воспринимать мир в радужном свете у нас был весьма серьезный. Мы прошли серьезный отбор и поступили на престижный исторический факультет. Конкурс тогда был на истфак один из самых высоких в университете — семь человек на место, реально еще выше, поскольку ряд мест были заранее выделены льготникам: сиротам, инвалидам, людям после армии, сельским стипендиатам. Наконец, были среди нас и "фраера", поступившие по протекции. Мы, слава Богу, ничего об этом не знали. Много позднее, когда я сам стал регулярно участвовать в работе приемной комиссии, для меня открылось, что наша система отбора путем вступительных экзаменов была не столь уж безнадежно объективной.

Итак, мы поступили и с первых чисел сентября отправились всем курсом в село Благоево "спасать урожай". Там перезнакомились друг с другом. Было и еще одно немаловажное обстоятельство: тут же базировался третий курс. Кроме того, одним из наших кураторов была вчерашняя аспирантка Алла Доля. Именно она и старшие коллеги-третьекурсники преподавали неопитам первый предмет — студенческую мифологию исторического факультета. Как известно, главными героями, небожителями студенческой мифологии являются преподаватели. Поэтому, спустя месяц приступив к занятиям, мы уже знали "кто есть who" по ту сторону "баррикады", и вели себя соответственно.

Куратором нашего первого курса был назначен тогда еще молодой доцент кафедры истории древних и средних веков Владимир Никифорович

Станок (1937-2008). В 1973 году ему было всего лишь 36 лет. "Станок" — так мы его называли в своем кругу — казался старше своего возраста. Он читал нам "Историю первобытного общества". Станный это предмет, рожденный взаимодействием данных археологии, этнографии, антропологии, сравнительной биологии, философии... Скрепляет все это сочетание научная фантазия исследователя, ибо как жили гоминиды в эпохи палеолита, мезолита или даже неолита, доподлинно не знает никто.

Станок был археологом-палеолитчиком. Взрослые люди посвящают свою жизнь тому, что отыскивают в земле "камешки" и потом долго спорят, пытаясь понять, то ли это эолиты, то есть камни, "обработанные" ветром или еще какой-нибудь природной стихией, то ли это вожделенные камни, обскубанные неумелой рукой древнего человека. Надо быть фанатом и обладать вызывающим прилив адреналина чувством первооткрывателя, чтобы стать охотником за артефактами и посредством скудных предметных находок в раскопах установить фетишистскую связь с далекими предками. Именно таким фанатом, мне представляется, был Владимир Никифорович, когда он появился за кафедрой и стал читать нам свой курс по истории первобытного общества. Несомненно, наука у него тогда была на первом месте, а преподавание — на втором. Он был фундаментально увлечен своей научной работой, что незамедлительно передалось нам через его лекции.

Сразу было видно: перед нами серьезный ученый. И это вызывало к тому, что он говорит, особенное доверие. Хотелось узнать еще больше. Поэтому я, к примеру, засел за чтение и конспектирование работ тех ученых, на которых он ссылался в своих лекциях: академика Окладникова, его ученика Деревянко, Ефименко, Нестурха, Борисковского, Масона. Я был восхищен работой антрополога, археолога и скульптора М.М. Герасимова, который на основе фрагментов костей скелета реконструировал облик неандертальского мальчика из Тешик-Таш, железного хромца Тамерлана, царя Ивана Грозного. Фантастика!

Благодаря Владимиру Никифоровичу мы прикоснулись к проблеме антропогенеза и социогенеза, по-русски говоря, к проблеме происхождения человека и общества. Хотя это вовсе не проблема, а великая тайна, которая средствами науки решена быть не может. Поэтому сам Станок пребывал в великой иллюзии и нас в ней поддерживал. Что поделаешь — не он один. Как возникло человечество? Собственно говоря, так называлась книга Ю.И. Семенова (М., 1966), которую нам усиленно рекомендовал Станок. Еще по его наводке мы читали книгу Б.Ф. Поршнева "О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии)" (М., 1974).

Урок номер один для нашего брата-преподавателя. Университетский преподаватель обязательно должен быть активным исследователем. Вкус к научному творчеству нельзя привить студенту, если сам его не имеешь. Актуальный научный поиск находит выражение в чтении лекций под углом проблемного подхода. И это не дидактический прием, а естественный выход научного творчества. Этому требованию идеально соответствовал В.Н. Станко в те далекие годы.

3

На этом же курсе читала нам историю Киевской Руси доцент кафедры истории СССР Анна Михайловна Шабанова (1933-2006). Она была притчей во языцех, и из этой притчи следовало, что ее "трудно пройти". Были случаи, когда у нее сдавали экзамен пять и более раз, и не сдали. Легенда оказалась вполне достоверной.

Искусству терпения мы учились на лекциях Анны Михайловны. Читала она их размеренным голосом, монотонно. Лекции читались в амфитеатровой 14-й аудитории в здании на Советской Армии (ныне — Преображенская), которое истфак делил в те годы с университетской библиотекой. (Кстати, было очень удобно: после занятий мы плавно перемещались в залы библиотеки и сидели там дотемна.) Как сейчас помню: мы, несколько сдружившихся за время колхозной практики ребят, сидели справа, ближе к выходу, и откровенно томились. Шла третья пара. За окнами кипела жизнь, а мы добросовестно старались вдумываться, чем закупы отличаются от рядовичей, и кто ж такие на самом деле были смерды — свободные крестьяне или нет. Получалось плохо. Мы чувствовали себя галерниками. Рядом со мной сидел крепкий жизнерадостный парень, ярко выраженный сангвиник Григорий, он же Гоша, Пекарский. Родом с Любашевки. К тому времени ему уже стукнуло 25 лет, то есть он был старше нас, вчерашних школяров, на целую жизнь. Он поступил на истфак с пятого раза. До этого успел побывать в армии, сходить пару раз матросом в море, работал грузчиком в порту. Он первый не выдерживал, начинал бросать реплики, кто-то что-то отвечал, возникал шум. И Анна Михайловна прерывала лекцию, кого-то из нас поднимала и отчитывала. При этом она обещала нам устроить "веселую жизнь" на экзамене. Надо отдать ей должное: она выполнила свое обещание на все сто.

Злокозненный вавилонский царь Хаммурапи придумал свои законы только для того, чтобы мучить советских студентов. Благодаря Анне Ми-

хайловне нам показалось, что милейшие древнерусские князья Ярослав Мудрый и К^о его значительно переплюнули, создав свой сборник законов "Русская правда". Анна Михайловна превратила "Русскую правду" в орудие средневековой пытки и сладострастно терзала нас статьями этого кодекса. Я до сих пор помню — и уже никогда не забуду, кто такие были огнищанин, вирник, тиун и, что б ему ни дна ни покрывки, ратайный староста. Помню также, какая вира (штраф) полагалась за убийство смерда и какая — за убийство огнищанина. Зачем мне эти ценные сведения, сказать не могу.

В своем курсе она явно отдавала предпочтение социально-экономической истории в ущерб политической и практически игнорировала историю культуры Киевской Руси. А ведь это важнейшие разделы, формирующие фундамент исторического сознания отечественного историка, да и к тому же интереснейшие!

Человек — это стиль. Думаю, что не нашлось рядом с Анной Михайловной человека, который убедил бы ее скорректировать стиль преподавания. Это очень трудно, но возможно. Она была еще молода, и значит, способна на сомнение. В 1973 году ей было всего лишь сорок. Для преподавания — это только подход к золотому возрасту расцвета.

Я бы, например, перенес детальное изучение правовых отличий категорий зависимого крестьянства на семинарские занятия, а в лекциях постарался бы показать всестороннее значение "Русской правды" как памятника правовой культуры Русского государства, а не только как источника социально-экономических, феодальных отношений. Для этого можно было бы провести сравнение с аналогичными памятниками Западной Европы.

Неужели ее устраивала репутация грозы студентов? Строить всю стратегию преподавания на требовательности, наверное, неправильно. Особенно когда речь идет о первом курсе. Известно, что людей ловят на интересы, как рыбу на червя (Горький). Но одно дело — интерес, идущий от романтического восприятия истории, от естественной любознательности, другое — научный интерес. Научный интерес надо еще пробудить, к нему нужно подойти, комбинируя требовательность с применением игровых ситуаций, моделирования, реконструкции и других приемов, развивающих творческое отношение к историческому познанию. А пичкать первокурсников именами и концепциями — в этом пользы мало. Никакого творчества от нас Анна Михайловна не требовала, ибо сама к нему, видимо, была мало способна.

Сейчас, спустя десятки лет, я думаю, что манере А.М. Шабановой скучно читать лекции сопутствовал еще один крупный для университет-

ского преподавателя недостаток: она не имела собственной точки зрения на вопросы, которые разбирала. У Анны Михайловны за плечами была хорошая ленинградская школа. С точки зрения историографии, ее лекции были безупречны. Не помню случая, чтобы в течение лекции она не упомянула несколько раз традиционный для нее набор имен: Борис Дмитриевич Греков, Борис Александрович Рыбаков, Михаил Николаевич Тихомиров, Лев Владимирович Черепнин, Владимир Васильевич Мавродин, Серафим Владимирович Юшков, Иван Иванович Смирнов. Она обязательно называла их полностью — по имени, отчеству и фамилии. Если мне не изменяет память, она училась в ЛГУ у В.В. Мавродина. Но не помню случая, чтобы она сказала что-то вроде: несравненный Михаил Николаевич Тихомиров считает так-то, неподражаемый Лев Владимирович Черепнин занял по этому вопросу такую-то позицию, выдающийся авторитет Владимир Васильевич Мавродин (да будет он всегда здоров!) обосновал свой взгляд, а великолепнейшие Серафим Владимирович Юшков и Иван Иванович Смирнов с ним не согласились. Но Я полагаю, что все они в этом вопросе ошибаются, и вот почему! В ее лекциях отсутствовало ее собственное "Я". К своим научным кумирам Анна Михайловна относилась, как древние славяне к идолам: она их боготворила.

В компаниях с выпускниками истфака, закончившими его много позднее меня, при упоминании Шабановой они начинали весело, как пароль, произносить: Тихомиров, Мавродин, Юшков... Анна Михайловна не развивалась! Она законсервировалась, оуклилась, но в бабочку так и не превратилась. Вот в чем, по моему мнению, была ее драма как преподавателя.

Я не помню прозвища Анны Михайловны, по-моему, мы ее никак не обозвали, знаю только, что заочники приклеили ей прозвище "Концепция" — за неумеренное употребление этого слова. В сущности, Анна Михайловна была миловидной, приятной, молодой женщиной, но она не давала нам ни одного шанса взглянуть на нее с этой точки зрения. Тем не менее, для меня контакт с Анной Михайловной стал *важным жизненным уроком: есть вещи и люди, которых надо принимать такими, какие они есть.*

Продолжение следует

